

ОСПАРИВАЕМЫЕ ИМЕНА В ТОПОНИМИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Введение

Наталья Кудрявцева

Херсонский национальный технический университет
ORCID: 0000-0001-7641-9543

Николай Гоманюк

Херсонский государственный университет
ORCID: 0000-0002-9625-1968

<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2020.01.00001>

Со времен дискуссий о «правильности имен» в античности и до момента экспликации Пьером Бурдьё символического насилия, осуществляемого государством при помощи «легитимного наименования» (Bourdieu 1991), язык в социально-гуманитарных науках не рассматривался как нечто, связанное с властью. Традиционные исследования в лингвистике, географии и смежных областях, как правило, не выходили за рамки политически безобидной систематизации, основываясь либо на этимологической эмпирии, либо на таксономиях описательного толка. Критический подход к топонимии, ознаменовавший так называемый «культурный поворот», поставил целью показать, что «серьезно относиться к языку» — важно как в плане изучения власти языка над именуемым объектом, так и в плане исследования «нагруженного властью» процесса пере- и наименования (Vuolteenaho & Berg 2009: 1).

Топонимия, изучение которой всегда было рассредоточено по ряду дисциплин, предстала в свете критических теорий, акцентировавших политическую власть в отношениях пространства, языка и государства. В свою очередь, опыт постсоциалистических топонимических преобразований предоставил богатую исследовательскую базу, а украинский кейс, в силу транзитного характера и продолжающихся декоммунизационных изменений, явил особо интересный материал. Этот эффект усиливается относительной доступностью эмпирических данных, существующих в виде принятых законов, списков переименований, протоколов заседаний топонимических комиссий, реакций СМИ и соцсетей, петиций, справочников и т.д.

Значительная часть работ, появившихся на тему топонимических переименований на старте декоммунизации в Украине, выражала излишне эмоциональный, иногда ангажированный, взгляд на вещи, отражающий некритичное восприятие проводимых государством изменений, часто представленных лишенными идеологической нагрузки. Настоящий выпуск журнала «Идеология и политика» является первым междисциплинарным, мультязычным собранием работ,

выполненных в духе критического подхода, задекларированного авторами монографий (Vuolteenaho & Berg 2009; Rose-Redwood, Alderman & Azaryahu 2017), но на материале постсоветских стран. Представленные в нём эмпирические исследования касаются разнообразных топонимических контекстов Украины и Грузии, что даёт возможность как сравнения процессов реализации топонимических политик внутри страны (в номер включены статьи о топонимической ситуации в Киеве, Харькове, Запорожье, Кривом Роге и на юге Украины), так и их сопоставления с подобными процессами, проходившими в Тбилиси.

Концептуально данный номер, посвященный спорным моментам географического (пере-)именования, также является разнообразным. Анализ «нейминга» как инструмента конструирования исторических нарративов, коллективной памяти и национальной идентичности осуществляется в рамках критических теорий, среди которых постструктуралистские трактовки символического и политического капитала Пьера Бурдьё, теория идеологических аппаратов государства Луи Альтюссера, конструктивизм Бенедикта Андерсона, концепции «мест памяти» Пьера Нора и языковых идеологий Сюзан Гал и Джудит Ирвин, акторно-сетевая теория Бруно Латура и теория пространства как продукта социального производства Анри Лефевра. Методологические подходы включают как традиционные для данной сферы классифицирующие описания с детальной квантификацией наименований, так и использующиеся в ходе критического анализа качественные методы: дискурс-анализ, устная история, плотное описание, глубинное интервью и т.д. В центре внимания находятся национальные и локальные топонимические стратегии, мотивации и модели переименования, вопросы политизации топонимического ландшафта, а также акторы и объекты номинации, господствующие и альтернативные дискурсы пере- и наименований.

Результаты исследований указывают на два одновременно наличествующих факта: с одной стороны, в постсоветских обществах символические ландшафты все еще пребывают «в ведении государства», которое осуществляет иногда довольно жесткий их контроль; в то же время топонимические изменения постепенно перестают быть прерогативой правительства, всё большее количество структур (СМИ, неправительственные организации, институты гражданского общества, образовательные учреждения, отдельные граждане и даже не-человеческие участники) принимают участие в переименованиях, что говорит о своеобразной демократизации процесса. Авторы также прослеживают историческую подоплёку современных топотрансформаций, обнаруживая непосредственную генетическую связь происходящих преобразований с историческими событиями XIX и даже XVIII века. Таким образом обнаруживается досоветская, имперская составляющая ряда постсоветских наименований, что приводит к выводу о возможности деколонизации и топонимии как таковой, и топонимики как научной дисциплины. Важным итогом представленной в этом номере дискуссии является экспликация проблем идеологической квазинейтральности, а также политической ангажированности топонимии, часто неосознаваемой не только акторами соответствующих преобразований, но и теми, кто пытается осуществить их научный, но некритический, разбор.

Номер открывает статья Николая Гоманюка о связи географии вернакулярных (перцепционных) регионов и их топонимии с деятельностью идеологических аппаратов государства. На примере Таврийского региона автор рассматривает, как его топонимия меняет свои политические смыслы и коннотации в зависимости от идеологии того государства, в составе которого он пребывает. Во времена Российской империи концепт Тавриды/Таврии как части античного мира служит основой идеологического конструкта, оправдывающего российскую экспансию в южном направлении. В советский период Таврия становится символом победы в Гражданской войне и успехов в социалистическом преобразовании природы, а в независимой Украине концепт Таврии, с одной стороны, выгодно коммодифицируется под влиянием рыночной экономики, а с другой — успешно используется в процессах декоммунизации в качестве идеологически «нейтрального» номена. При этом всякий раз не только происходит вполне логичное изменение имиджа территории, его восприятия, но и его границ и перцепционного центра. Так, Таврийский регион расширяется (от части Крымского полуострова в древности до крупного вернакулярного региона, включающего практически весь юг Украины), а его территория активно насыщается официальной таврийской ойконимикой и эргонимикой. При этом Таврия начинает восприниматься как степной регион, а словосочетание «таврийская степь» становится устойчивым выражением, которое ассоциируется не с природными степными, а с антропогенными ландшафтами. Таврийский топонимический кейс говорит о влиянии идеологических аппаратов государства на формирование ареалов вернакулярных районов, а также о практике присвоения новых смыслов даже изначально семантически нейтральным топонимам в ходе конкретных политических кампаний с помощью этимологизации и деэтимологизации названий.

Александр Голиков осуществляет сравнительный анализ стратегий и практик переименования, характерных как для постсоветского пространства в целом, так и конкретно для Харькова, где в 2015 г. соответствующие изменения инициировались двумя разными акторами — государством в лице областной государственной администрации и городскими органами местного самоуправления. В качестве единиц дискурс-анализа автор выделяет более значимые в городском пространстве «большие» имена (названия административных районов, станций метрополитена и парков), а количественному анализу подвергает весь корпус переименований топонимии города. Автор характеризует топонимию Харькова после декоммунизации 2015 года как приобретающую качество, которое можно назвать аутентичностью или провинциальностью, она также стала менее персонифицированной, сохранив при этом значительную часть апеллирующих к советскому и имперскому прошлому названий. Говоря о моделях переименования, А. Голиков особое внимание обращает на аллюзии, где, помимо принятых в научной литературе фонетических (созвучие с первоначальным номеном, например, Калининское/Калиновское), он вводит логические, определяемые как смысловая связь с предшествующим названием (Чапаева/Кавалеристская). Сравнение стратегий переименования местной и региональной властей выявляет значительные различия между ними: если областная администрация, трактуя декоммунизацию

«расширительно» предлагает более радикальную и, соответственно, потенциально более конфликтную версию, нацеленную на бóльшую политическую унификацию, то горсовет занимает компромиссную позицию, основанную как на стремлении следовать букве закона, так и на склонности учитывать ценностные ориентации городской общины.

В статье о декоммунизационных переименованиях в Кривом Роге Наталья Кудрявцева исследует отношение к происходящему процессу в экспертном сообществе ученых из разных областей. Созданная учеными рабочая группа, внесшая предложения по переименованию всего спектра соответствующих городских объектов, а также инициировавшая их широкое общественное обсуждение, выступает здесь отдельным актором топонимических преобразований. Отталкиваясь от понятия языковой идеологии, автор трансформирует его из представления о языке в представление о топонимической номинации, таким образом подвергая анализу мотивы и цели, которыми руководствовались ученые в своей работе над переименованием объектов. Подобно идеологии, основанной на ассоциации языка с этнической принадлежностью, топонимические идеологии участников рабочей группы характеризует понимание урбанонима как выразителя идентичности, структурным компонентом которой является определенная интерпретация исторических событий. Процессы, управляющие такой идеологией — иконизация, рекурсивность и стирание — неизбежно приводят к избирательной коммеморации событий и репрезентирующих их исторических фигур, что определяется принципом принадлежности к конкретному городу и региону. Таким образом, как и предполагалось общегосударственной повесткой, в данном локальном контексте декоммунизационное переименование является переконструированием национальной идентичности. Однако основным мотивом изменения названий оказывается не унификация символического пространства в соответствии с предложенной властями концептуальной рамкой, но производство индивидуального историко-географического ландшафта с целью продемонстрировать свое собственное «лицо», а также в надежде избежать последующих переименований.

Алексей Гнатюк и Анатолий Мельничук также рассматривают взаимосвязанные понятия топонимики, символического пространства и национальной идентичности. Объектом исследования на этот раз выступает Киев, улицы которого представляют собой «фасадное символическое пространство» всей страны. Карта современного Киева является своеобразным путеводителем по официальной истории, который отражает акценты и хронологические приоритеты государственной идеологии, а также национального исторического нарратива Украины в период с 1989 по 2018 гг. Авторы выделяют четыре волны декоммунизации символического пространства Киева, каждую из которых обуславливает фоновый политический процесс. Первая волна связана с провозглашением независимости, вторая — с первой каденцией Леонида Кучмы, третья — с президентством Виктора Ющенко, а четвёртая, самая масштабная и по количеству переименований и идеологической нагрузке, началась после Революции Достоинства и продолжается до сих пор. Общий тренд процесса выражается в смене моделей переименования от осторожного возвращения исторических названий до активного внедрения идеологически окрашенной

мемориальной топонимии. Подвергнув генетико-семантическому и центр-периферийному анализу значительный массив качественных и количественных данных, авторы делают вывод об особой модели переименования, присущей Киеву и обусловленной его статусом как столицы Украины. Эта модель характеризуется относительным доминированием топонимов, связанных с тремя историческими эпохами: казацким периодом, борьбой за независимость Украины в начале XX века и современным периодом независимости. При этом четко прослеживается тенденция к повышенной концентрации идеологически окрашенных названий в центре города, не менее важную роль здесь играет и статус именуемого объекта.

К опыту Киева обращаются также Людмила Малес и Артемий Дейнека, и предлагают рассматривать сегодняшние топонимические коллизии в ретроспективе истории формирования официальной киевской топонимии начиная со второй половины XIX века. Именно тогда в символическое пространство города внедряется традиция отыменного наименования городских объектов, превращая его в своеобразный «некрополь», и происходит активная идеологизация городской топонимии, достигшая своего расцвета уже в советский период. В результате киевская топонимика в значительной мере утратила свой локальный семантический колорит и стала восприниматься территориальной общиной города как более отчуждённая. Первые осторожные попытки декоммунизации топонимии Киева привели к её «постмодернистскому разнообразию», которое проявилось в идеологической пестроте городского топонимического ландшафта. Анализируя общественно-политические дискуссии вокруг последней волны переименований, авторы апеллируют к ряду документов времени: материалам СМИ, официальным документам, стенограммам общественных обсуждений и такому сравнительно редко используемому для дискурс-анализа источнику, как петиции — коллективные обращения граждан. В ходе анализа авторы определяют три дискурсивные модели переименования периода украинской независимости: краеведческую (возрождение дореволюционных названий), националистическую (избирательное возрождение памяти об украинских национально-освободительных событиях) и деколонизационную, основанную на позициях политической ангажированности любой, даже семантически (квази-)нейтральной топонимии. Опираясь на богатый фактический материал, авторы приходят к выводу о меньшей зарегулированности и, соответственно, большей демократизации дискурсивных практик последней «взрывной» волны переименований по сравнению с советским прошлым и первыми волнами декоммунизации в современной Украине.

Аугусто Дала Коста представляет масштабную картину переименований, произошедших в Тбилиси с 1988 г. по 2007 г. Автор подчеркивает, что преобразования урбанимикона столицы Грузии отражают политические события, разворачивающиеся в стране на протяжении этих двух десятилетий, а соответствующие изменения топонимического ландшафта созвучны грузинскому национальному дискурсу пост-советского времени. Анализируя ранее не переведенный с грузинского языка материал, автор прослеживает точки соприкосновения национального дискурса с историей города, выявляя избирательность коммеморации раннего периода независимости. Заменив 90

процентов советских отыменных названий таким же количеством топонимов, увековечивших исторические личности грузинского происхождения, власти осуществили так называемую «грузинизацию» столицы, внедрив, кроме культурных, этнические и религиозные аспекты в ее ландшафт. Лишенный черт локального разнообразия, топонимический портрет Тбилиси явил собой образ всей Грузии как гомогенного, мононационального государства, единство которого обеспечивает осуществляемая столицей коммеморация общенациональных героев и событий, связанных с историей страны. Национальному нарративу проигрывают и меньшевистский характер Первой республики, и локальные контексты этнических меньшинств армян и азербайджанцев, и даже общая история Закавказья, преданные забвению и стертые с топонимического ландшафта постсоветского Тбилиси. Обустроенный таким образом символический ландшафт столицы в полной мере отражает политику грузинских лидеров того времени — Звиада Гамсахурдия и Михеила Саакашвили — и призван не только выразить демократические устремления грузинской нации, но и культивировать в обществе соответствующее самовосприятие, формируя национальную идентичность и демонстрируя политическую повестку, актуальную в то время для всей страны.

Юрий Капарулин в своей статье обращается к топонимии еврейских земледельческих колоний, которые начали основываться на территории современной Украины в начале XIX века. Благодаря им карты XIX и первой половины XX вв. изобиловали десятками названий, источником которых были идиш и иврит. Если политика «коренизации» и коллективизация 1920-х годов привели к созданию на территории советской Украины пяти еврейских национальных районов, в которые были включены уже существующие еврейские поселения и вновь созданные населённые пункты, то волна сталинских репрессий 1930-х и 1940-х гг. практически полностью смела еврейскую топонимию с карты Украины. Еврейские названия оказались особенно чувствительны не только к «генеральной линии партии», но и к отдельным изменениям в советской идеологии, например, в отношении национального вопроса и, в частности вопроса аккультурации еврейского населения. Однако декоммунизационное переименование не привело к восстановлению еврейских исторических названий, за исключением двух бывших еврейских сёл в Крыму, которые были переименованы де-юре Верховной Радой Украины. Автор также обращает внимание на то, что утраченная ойконимика еврейских сельских поселений — это и утраченное символическое место памяти жертв погромов, Холокоста, сталинских репрессий и преследований национальных движений в СССР. Таким образом, поликультурность, как и ранее, не нашла отражения в украинской декоммунизации и не стала трендом кампании переименования 2015–2016 гг.

Ирина Павленко расширяет предмет анализа, дополнив уже традиционное для критической топонимики изучение ойконимии и годонимии детальным рассмотрением названий городских деловых объединений таких, как учреждения, предприятия, корпорации и пр. В меньшей степени подвластные официальным решениям властей, коммерческие эргонимы не менее чутко реагируют на социальные и экономические вызовы. На примере Запорожья автор показывает неоднородность развития разных пластов городского урбанимикона: если коммерческие названия

меняются непрерывно, по содержанию и форме отвечая прагматике текущих социально-экономических изменений, то переименования топонимии осуществляются этапами и обусловлены инициированной властями «корректировкой исторической памяти». Вместе с тем автор отмечает, что пласты эти не существуют в изоляции друг от друга, приводя примеры зафиксированных в топонимах названий предприятий, а также эргонимов, произошедших от названий улиц. Объединяющим фактором топонимических изменений времен независимости становятся два взаимосвязанных процесса: десоветизация и декоммунизация. В то время как десоветизация топонимии скорее стихийна, обусловлена общемировыми культурными и экономическими трендами, и реже отражает происходящие в обществе политические сдвиги, декоммунизация имеет четко выраженный идеологический характер, приобретающий своеобразные черты в исследуемом локальном контексте. Определяющей в создании «ретроспективного и перспективного имиджа» города является его региональная специфика, отражающая как особенности развития местной экономики, культуры и науки, так и свойственные данному региону идеологические ориентировки.

Статьи, подготовленные для этого номера представителями разных наук — социологии, истории, географии, лингвистики, культурных студий — не только подчеркивают многогранность топонимического ландшафта как объекта изучения, но, что важнее, свидетельствуют о том, что топонимическое (пере-)именование сегодня следует рассматривать и как номинативную практику, и как практику созидания именуемого объекта. При внешней схожести стратегий, моделей и мотивов номинации в каждом отдельном случае создаваемые объекты могут иметь очень мало, или же и вовсе не иметь общих черт. Такая перспектива вряд ли позволяет осуществить систематическое описание переименований даже в отдельно взятой стране, не говоря уже о постсоветском пространстве в целом. Это, однако, не мешает нам составить из представленных фрагментов общую картину происходящих изменений, которая, как мозаика, набранная из разнородных элементов, высвечивает различные аспекты обсуждаемых проблем.

Библиография:

Berg, Lawrence D. and Vuolteenaho, Jani (eds.) (2009). *Critical toponymies: the contested politics of place naming*, Farnham: Ashgate.

Bourdieu, Pierre (1991). *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity Press.

Rose-Redwood, Reuben, Alderman, Derek and Azaryahu, Maoz (eds.) (2017). *The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics and Place*. New York, NY: Routledge.